
ОТКАЗ АРМЯН ОТ «БЕРЕГОВОГО ПРАВА»

Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

Морская история Армении до сих пор не изучена. Между тем ее изучение имеет большое значение не только для истории самой Армении, но и для истории развития международной морской торговли, международного мореплавания и международного морского права.

Ведя активную международную морскую торговлю, армяне внесли немалый вклад в прогрессивное развитие международного морского права. Своим участием в формировании первых международных морских кодексов, внедрением прогрессивных обычаев и норм в национальное законодательство и международные договоры и, наконец, отстаивая эти нормы в судебных разбирательствах при международных конфликтах, армяне не мало содействовали утверждению прогрессивных принципов свободы мореплавания и законности на морях.

В данной статье рассматривается отношение армян к одной частной проблеме международного морского права, подтверждающее это положение.

С древнейших времен как в Европе, так и в Азии существовал обычай, называвшийся береговым правом. Это обычное право выражали латинскими словами: *Jus litoris, seu litorale, seu naufragii, naufragium, fractura navium, maris ejectus (eiectus maris), lagan, wreccum* и др.; во Франции говорили о *droit de bris, droit de naufrage, bris, lagan*, в Нормандии — *varech*, Бретани — *pecoy*, Англии — *shipwreck* и *sea-up-werp*, Германии — *Strandrecht* и *schiffsbruch*.

Неизменно понимая под этими терминами обычай, в силу которого при кораблекрушении и гибели судов у берегов даже дружественной страны все, что выбрасывалось морем на берег или даже находилось на определенном расстоянии от береговой линии, составляло законный приз и поступало в собственность и распоряжение сеньора или суверена, во владении которого находился берег. Составляя, таким образом, одну из разновидностей призового права, береговое право распространялось на все, что море выбросит на берег, будь это корабль, его остатки или его груз, экипаж или пассажиры — живые или мертвые. Мертвых грабили, живых брали в плен, часто обращали в рабство или получали за них выкуп. Нередко в прибрежных странах считали себя вправе убивать спасшихся при кораблекрушении людей с тем, чтобы легче было присваивать принадлежащие им вещи и имущество.

Грабеж имущества и грузов, выброшенных на берег при кораблекрушении, во всех приморских странах мира рассматривали как естественное и бесспорное право, как законный и бесспорный приз. Лица и имущество, выброшенные на берег в результате кораблекрушения, поступали в собственность и распоряжение прибрежного владельца—носителя берегового права. Это были «дары моря». Ставилось единственное условие—это должно было быть последствием кораблекрушения¹.

Феодальные сеньоры—владельцы побережья и государи прибрежных стран считали плоды, приносимые «береговым правом», одним из важнейших источников своих доходов. Известны циничные слова бретонского феодала Гномара графа де Леона, который, имея в виду гранитную скалу мыса Раз, о которую разбивались купеческие корабли, говаривал, что в его владениях находится лучшее в мире сокровище².

Во Франции, например, ордонансы 1465 и 1469 гг. классифицировали плоды кораблекрушения как одну из статей государственных доходов.

Сохранилась жестокая молитва, с которой жители острова Уэссан (Молэн) в Бретани обращались к своим святым, прося о неисполнении кораблекрушения близ их острова³. Известна аналогичная молитва с берегов Мекленбурга (практиковалась до 1777 г.)⁴.

В ряде мест в тех же целях население справляло мессу или же устраивало на побережье специальные шествия с песнопениями⁵.

Прибрежные сеньоры и суверены, стремясь увеличить свои доходы, нередко входили в преступный сговор с лоцманами, чтобы вызвать катастрофу иностранных судов. Практиковали и другое средство увеличения числа кораблекрушений: зажигали ложные огни, устанавливали фальшивые сигналы и маяки⁶. Эта практика «организации» кораблекрушений приобрела столь широкий и угрожающий характер, что предпринимались специальные попытки пресечь ее с помощью самых суровых мер. Так, статья 25 Олеронских свитков предусматривала особое наказание для сеньоров, виновных в совершении таких преступлений: их следовало привязывать к столбу внутри их дома и сжигать вместе с жилищем, на месте которого устраивался рынок для продажи свиней.

Однако никакие наказания и анафемы церкви результатов не давали. «Грабеж имущества и предметов, выброшенных на берег бурей, т. е. то, что называли правом из кораблекрушения, практиковался всеми из-

¹ См. Levy-Bruhl, Le droit de naufrage, „Annales de droit commercial“, 1927, № 1—2, стр. 35.

² Там же, стр. 40.

³ См. Paul Sebillot, Le folk-lore de France, t. II (La mer et les eaux douces), Paris, 1905, стр. 142—143.

⁴ J. Hübner, Der Fund. im Germanischen Recht, стр. 182.

⁵ См. Paul Sebillot, указ. соч., стр. 143.

⁶ См. J. M. Pardessus, Collection de lois maritimes antérieures au XVIII siècle, t. I, Paris, 1828, стр. 346; L.-B. Hautefeuille, Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international, Paris, 1869, стр. 103.

известными в средние века народам», — писал известный исследователь истории морского права Отфей⁷.

Этого обычая придерживались как христианские, так и мусульманские государства.

Отмеченный обычай, в результате повсеместного и постоянного применения, превратился в норму обычного права, в признанный институт международного морского права. Хотя в отношении людей европейская практика относительно рано стала отказываться от наиболее жесточайших проявлений, у других народов, в частности тех, с которыми армянам приходилось сталкиваться, обычай сохранялся в полном объеме. Особенно широко применяли его прибрежные государства в Средиземном и Черном морях. Об этом есть прямые свидетельства и в армянских источниках.

Относящийся к этой практике случай сообщает, в частности, армянский историк Киракос Гандзакец в своей «Истории Армении»⁸. Католикос Ваграм-Григорис (1066—1105 гг.), после пребывания в Риме, «сел на корабль, чтобы отправиться в Константинополь... Но поднявшийся на море сильный ветер погнал корабль по другому пути и доставил их в Египет. Бывшие при нем служители испугались, ибо у народа той страны существовал обычай — грабить потерпевшие крушение корабли, а находившихся на них людей убивать»⁹. Патриарху и его спутникам не оставалось ничего иного, как молиться богу. К счастью для них, «выпал сильный дождь, чего не бывало никогда в Египте». Очевидно, сильный ветер, выбросивший их на египетский берег и поставивший под угрозу их жизнь, принес им и столь мало вероятное спасение, ибо дождь был представлен как признак явления чудотворца. Историк пишет: «Воины, обходя страну, нашли Григориса со служителями, стоящими на молитве, на морском берегу. Привели их к султану»¹⁰. И спросил он их: «Из-за вас выпал этот дождь?». Те ответили: «Да». И говорил он: «По какой причине вы просили этого?». Они ответили: «Мы опасались, что по обычаю вашей страны нас убьют, ибо мы потерпели кораблекрушение на море»¹¹.

Позже, в период существования на побережье Средиземного моря Киликийского армянского царства, береговое право допускалось и «латинскими» правителями соседних с ним государств-крестоносцев.

Каковы же юридические основания этого «права»? И в средние века, и в наше время юристы пытались объяснить, на чем основывалось это право юридически, его правовую природу.

⁷ L.-B. Hautefeuille, указ. соч., стр. 103.

⁸ Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմութիւն Հայոց. Երևան, 1961, II, стр. 96—98.

⁹ «Զի սովորութիւն էր բնակչաց աշխարհին զարկնոծել նաւան կողոպտել և սպանանել», там же, стр. 96.

¹⁰ Халиф Абдуттамин Мустансир (1036—1094).

¹¹ «Երկեանք վասն սովորութեան աշխարհիս ու սպանմանէ, զի նաւարկէ եղաք ի ծովու», там же, стр. 97.

Проводились аналогии с выморочным правом, с «бесхозной вещью»: кораблекрушение превращало имущество и даже людей в «*res nullius*». Другие выводили береговое право из территориального верховенства, из права на землю и на все, что находится на ней согласно феодально-патримониальному принципу «*quidquid est in territorio est etiam de territorio*» («все, что находится на территории, принадлежит территории»). В этом случае не имело значения, являются ли выброшенные морем предметы юридически «ничейными». Были даже попытки представить это право как наказание, как ордалию.

Во всех случаях, однако, кораблекрушение было единственным, но достаточным условием для захвата выброшенного морем имущества и людей.

Этот обычай наносил большой ущерб международной морской торговле и мореплаванию, был одним из самых серьезных препятствий для их развития. Естественно, ограничение, а затем и отмена его были важной вехой в истории развития международной морской торговли, предпосылкой безопасного мореходства. По мере развития международной торговли, усиления и учащения международных связей все более императивно стала ощущаться необходимость отказа от этого вредного и жестокого обычая. Таким образом, в основе отказа от захвата потерпевших крушение и выброшенных морем на берег судов, груза и людей лежали не только соображения гуманности, но и интересы развития международной торговли и мореплавания.

На отмену этого права потребовалось целое тысячелетие, начиная с единичных частичных мер ограничения в IX—X вв. до международных соглашений и конвенций XIX—XX вв. Бесчеловечность и жестокость этого обычая стала сознаваться сперва церковью, а потом государственной властью. Необходимой предпосылкой и предварительным условием прогресса была замена феодального произвола «упорядоченным» осуществлением этого права центральной властью.

Вмешательство центральной власти, хотя и не отменяло само по себе этого обычая, ограничивало произвол феодалов. Как отмечается в специальных исследованиях, сам факт выступления государства, центральной власти, приводит «к определенному смягчению в береговом праве»¹².

В средиземноморской Армении береговое право, вероятно, рассматривалось как сеньориальное право только до возведения армянских князей Киликии в царское (королевское) достоинство. Оно, по всей видимости, было отнесено к прерогативе короны сразу же после преобразования киликийского армянского княжества в армянское царство (1198 г.). Об этом свидетельствует то обстоятельство, что первый же царь Киликийской Армении Левон II Великий считал себя вправе и имел возможность свободно распоряжаться береговым правом, вплоть до полного отказа от него в пользу тех или иных иностранных государств, хрису-

¹² H. Levy - Bruhl, *Le droit de naufrage*, стр. 43.

лами, дарованными в 1201 и 1215 гг. Этой же практике следовали и его преемники Хетум I и Изабелла в 1245 г. и др.

Об ограничении, упорядочении и правовом регулировании вопросов, связанных с береговым правом, свидетельствует и то обстоятельство, что дела, связанные с кораблекрушениями, рассматривались и решались верховным царским судом (*cugia regis, la royal haute cort*)¹³, в юрисдикцию которого в числе других важнейших дел входили также некоторые категории дел с иностранным элементом.

Вопросами, связанными с береговым правом, от имени центральной власти, очевидно, занимались специальные инспектора побережья, чьи функции, вероятно, были аналогичны функциям специальных уполномоченных, которые назначались иногда в тех государствах, где береговое право было отнесено к прерогативе королевской власти, и которые, в частности, занимались сбором выброшенных морем предметов для короны. Назначение царских инспекторов побережья или других должностных лиц с аналогичными функциями должно было предотвратить или умерить произвол феодалов-сеньоров и самоуправство населения.

В одном из документов периода Левона II в этой должности упоминается один из крупнейших князей эпохи сир Адам де Гастон (или Гастим)¹⁴. Ему, согласно «Сирийской хронике» Абульфараджа, было поручено командование всеми морскими крепостями Армении¹⁵. В ряде хрисовул он именуется сенешалем (сенескалом, арм.—сенесджал), мажордомом и доверенным лицом царя, ведавшим доходами и расходами царя, а впоследствии ведавшим экономикой всей страны и осуществлявшим высший надзор над государственным бюджетом¹⁶.

Возможно, к этим вопросам имели отношение и капитан порта Аяаса и подчиненные ему другие капитаны портов (*capitane pasidonii de Ayacio, le chevitaine de Layas, les chevitaïnes dou leue, cevetaines*). На капитанов порта или миннапанов¹⁷ были возложены функции морской полиции в акватории армянских портов, включая полицию иностранных судов. Они же представляли интересы царя в спорах с иностранными консулами. Подчинялись они, с одной стороны, главе военного ведомства—спарапету или гундстаблю (коннстаблю), а с другой—проксимосу, т. е. главе финансового ведомства, в чьем ведении было управление морской торговлей, включая таможни¹⁸.

¹³ Об этом есть прямое указание в хрисовуле Левона II, дарованной Венеции в декабре 1201 г.

¹⁴ См. L. Alishan, *Léon le Magnifique, premier roi de Sissouan ou de l'Arménie-Cilicie*, Trad. par le P. G. Bayan, Venise, St-Lazare, 1888, стр. 137.

¹⁵ См. G. Aboul Faradj, *Chronicon syriacum*, Lipsiae, 1789.

¹⁶ См. А. Г. Сукиасян, *История Киликийского армянского государства и права*, Ереван, 1969, стр. 152—153.

¹⁷ *Ջրնապան* — от арабского слова «порт» и армянского *պան* — глава, страж. Дословно — страж, хранитель или начальник порта.

¹⁸ См. V. Langlois, *Essai historique et critique sur la constitution sociale et politique de l'Arménie sous les rois de la dynastie Roupénienne*, „Memoires de l'Académie impériale des sciences de St-Petersbourg“, VII série, t. III, № 3, стр. 57—58;

Что же касается отказа от самого права из кораблекрушения или берегового права, то первоначально в ряде стран усилия были направлены на частичное ограничение этого обычая. Первый шаг на этом долгом и тернистом пути состоял в признании личной свободы лиц, потерпевших кораблекрушение, причем в первую очередь это положение стало распространяться на граждан или подданных прибрежного государства. Дальнейшие ограничения шли в различных направлениях. Некоторые авторы утверждали, что это право может возникать только при определенных условиях: когда на потерпевшем корабле никто не оставался в живых. Если же человек, собака или кошка выживали, право собственности на имущество не переходит, а остается у прежнего собственника. В очень немногих странах береговое право смягчалось назначением известного срока для явки кораблехозяина или собственника груза, по истечении которого спасенные вещи возврату не подлежали. Еще реже это право заменялось наложением значительной подати на владельца потерпевшего крушение корабля в виде вознаграждения за содержание огней и спасательных сооружений и за причиненное кораблекрушением беспокойство¹⁹.

Крупнейшей вехой на этом пути был полный отказ от берегового права в отношении граждан и имущества отдельных стран на началах взаимности с помощью специальных договоров. Распространение этой практики и привело в конце концов к полному и окончательному отказу от этого права в международных договорах и конвенциях XIX—XX вв. и формированию универсальной нормы международного морского права, обязательной для всех.

Хотя это были лишь отдельные исключения из общего правила, добровольным отказом в отдельных случаях от того, что считалось правом, они, тем не менее, подготовили почву, создали основу для введения общей нормы, защищающей потерпевших кораблекрушение. К числу таких актов относятся дипломы, дарованные в 1290 и 1320 гг. византийскими императорами барселонцам²⁰, ордонанс французского короля Филиппа Смелого в 1227 г. в пользу итальянцев, Людовика XI в 1461 г.—в пользу фламандцев, голландцев и брабантцев, ордонанс 1464 г.—в пользу Ганзы²¹ и др., которые нередко возрождали право на грабежи.

Французский историк морского права Отфей констатирует, что «в действительности все усилия были безрезультатны. Ни папские буллы,

V. Langlois, *Le trésor des chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Roupénians*, Venise, 1863, стр. 49—50; А. Г. Сукьян, *История Киликийского армянского государства и права*, стр. 153—154.

¹⁹ L.-B. Hautefeuille, указ. соч., стр. 101. См. также Stanisław Matysik, *Prawo nadbrzeżne (ius naufragii). Stadium z historii prawa morskiego*, Toruń, 1950, стр. 252 и др.

²⁰ J. M. Pardessus, *Collection de lois maritimes antérieures au XVIII siècle*, t. I, Paris, 1828, стр. 176.

²¹ L.-B. Hautefeuille, указ. соч., стр. 102.

ни ордонансы соборов, ни внутренние заксы, ни капитуляции и договоры не могли остановить разбой, которому предавались жители побережья. Однако усилия, сделанные некоторыми суверенами, некоторыми народами, хотя и парализуемые варварством эпохи, безусловно утверждали прогресс международного права»²². К числу этих немногих государств и народов относится и Армения.

Действительно, практика Армении отличается, по крайней мере, тремя особенностями: 1) введение ограничений и запретов в Армении поистине опережало свое время—практику самых передовых стран мира; 2) по своему объему и полноте с этими ограничениями и запретами могли сравниться очень немногие акты из мировой практики; 3) трудно найти аналогию той последовательности и систематичности в ограничении и полном отказе от этой обычной нормы морского права, какая имела место в армянской практике.

Хронологически первым из известных актов этого рода является известная статья 105 «Армянского судебногоника» Мхитара Гоша, созданного в 1184 г., т. е. в период укрепления средиземноморского Киликийского армянского государства, освобождения от сельджуков северных областей Великой Армении и появления предпосылок для восстановления ее независимости с помощью грузинской ветви Багратидов и Киликийской Армении, правители которой считали себя преемниками последнего багратидского царя страны, в период укрепления и развития связей средиземноморского армянского государства с Великой Арменией и появления возможности их объединения в единое армянское государство.

За этим правовым актом следует признать приоритет перед другими дошедшими до нас документами еще и потому, что будучи национальным кодексом, плодом национального нормотворчества, он служил основанием для позиции армян по этому вопросу в международных отношениях, в международно-правовых актах. То обстоятельство, что соответствующие нормы права, направленные на ограничение и запрет этого обычая, появились сперва в национальном кодексе, а уже потом в международных актах—договорах армян с венецианцами, генуэзцами, египтянами говорит о том, что отношение армян к этому институту складывалось не под воздействием извне. Напротив, этот акт правосознания армян в дальнейшем находил признание и официальное закрепление в международной практике на началах взаимности, о чем речь пойдет ниже.

Значение «Армянского судебногоника» Мхитара Гоша увеличивается и в связи с тем, что он был принят также в зарубежных армянских колониях и, в частности, в тех из них, которые были расположены в портовых городах Средиземного, Черного, Каспийского и других морей—Венеции, Каффе, Астрахани и многих других, игравших роль центров морской активности армян и после падения Киликийского армянского царства.

Что же касается других актов национального законодательства армян, имевших отношение к этой проблеме, то следует отметить, что в Ки-

²² Там же, стр. 103—104.

ликийской Армении еще до составления «Армянского судебногоника» Мхитара Гоша, а потом и наряду с ним действовали свои—Армянские, а также Антиохийские и Иерусалимские ассизы.

Названные ассизы широко применялись в делах с иностранным элементом и, конечно, в делах, связанных с морской торговлей и мореходством.

К сожалению, Армянские ассизы полностью утеряны, от Антиохийских ассизов до нас дошла в армянском переводе лишь часть и только Иерусалимские ассизы дают дополнительные возможности для знакомства с действовавшими в Армении нормами морского права.

«Армянский судебник» 1184 года не только осуждает береговое право, но и приглашает население побережья, вернее носителей власти, оказывать потерпевшим необходимую помощь, мало того—обязывает к активной помощи:

«В случае крушения корабля в море ближайший город должен оказать ему помощь и спасти его, так, как если бы он был предстоящим пользователем его прибылей. Брать же корабль, потерпевший крушение, в качестве добычи противно закону. И если не хотят опастн его безвозмездно, то пусть берут, сколько в состоянии (платить хозяин корабля), памятуя при этом закон (Моисеев) о поднятии упавшего животного и возвращении его хозяину.

Но, если будут зариться и похищать, то пусть будет такое решение по примеру отбивающего добычу или по примеру господина, получающего десятину или пятину со своих подвластных.

И мы вкратце изложили это решение, ибо римляне в этих случаях поступают крайне противозаконно, дабы то же самое не имело место, если нашим потомкам доведется обладать морем»²³.

Для того, чтобы понять значение и место законодательного отказа от берегового права в армянском национальном судебнике Мхитара Гоша в истории развития международного морского права, нужно сравнить его с положением в других странах мира.

Одним из первых законодательных актов в этой области считается положение, принятое в Германии Фридрихом II в известном «Authentique Navigia». Оно датируется 1232 годом. Это положение было воспроизведено и в ордонансе французского короля Людовика X Сварливого в 1315 г. В этих актах законодатель ограничивался утверждением принципа отказа от берегового права и реституции имущества собственнику.

Более определенно выражался ордонанс французского короля Франциска I от 1543 года, который устанавливал условия востребования имущества: собственнику имущества предоставляется 2 месяца для востребования имущества, причем он должен выплатить $\frac{1}{3}$ стоимости тому,

²³ «Армянский судебник» Мхитара Гоша. Перевод с древнеармянского А. А. Паповяна, Редакция, вступительная статья и примечания Б. М. Арутюняна, Ереван, 1954, стр. 206—207 (*Մի Ի թ ա ռ Է ո շ, Գաղաթափանիադիրը հալոց, ձանն Ի, զի՛ ձ Ե*). В русский перевод внесена небольшая редакционная правка).

кто его спас. По прошествии 2-х месяцев остальные $\frac{2}{3}$ имущества делятся поровну между королем и адмиралом. Этот же принцип был принят в позднейшем ордонансе 1681 года²⁴, в силу которого вещи, потеря которых связана с кораблекрушениями или выбрасыванием грузов в море ввиду угрожающей судну опасности, переходят в одних случаях целиком к государству, в других—частью к государству, а частью к лицу, нашедшему эти вещи. Этим же ордонансом 1681 года определяется судьба вещей, потерянных на море, и по действующему ныне гражданскому праву Франции²⁵.

При сравнении соответствующих положений «Армянского судебногоника» с аналогичными законодательными актами других государств видно, что помимо хронологического приоритета перед ними он отличается и прогрессивностью своего содержания.

В армянских актах—национальных и международных—не оговаривается срок давности, по истечении которого невостребованное имущество переходит к прибрежному суверену. Возможно, это и не следует понимать как признание за собственником имущества права востребования в любое время, без установления срока приобретательной давности для взятеля или погасительной давности для потрепевшего бедствие собственника корабля или груза. Не исключено, что по мысли составителей кодекса и договорных международно-правовых актов тут могли действовать какие-то международные нормы—обычные или конвенционные, созданные при участии Армении или ею одобренные. К такого рода законам впоследствии могли относиться, в частности, знаменитые «Консолато дель Маре»²⁶, которые устанавливали обязанность хранения имущества в распоряжении собственника в течение года. Во всяком случае остается фактом, что так или иначе в «Армянском судебнике» и в последующих актах сроки ни разу не оговариваются.

Привлекает внимание и то обстоятельство, что если ордонанс Франциска I предусматривает выплату $\frac{1}{3}$ стоимости, «Армянский судебник» Мхитара Гоша ставит вопрос о выплате $\frac{1}{5}$ или даже $\frac{1}{10}$ стоимости, да и то только в том случае, «если будут зариться».

Следует отметить также, что и другой кодекс, который признавался на территории Киликийского армянского царства—Иерусалимские ассизы, также отменял береговое право. В Иерусалимских ассизах, так же как и в «Консолато дель Маре», нашла выражение концепция, что вещи, лежащие на дне моря, не считаются потерянными²⁷.

²⁴ См. Lévy-Bruhl, Le droit de naufrage, „Annales de droit commercial et industriel français, étranger et international“, стр. 47.

²⁵ См. Л. Жюллио де ла Морандьер, Гражданское право Франции, т. II, М., 1960, §§ 187, 190.

²⁶ Об отношении армян к этому знаменитому сборнику законов, обычаев и обыкновений, распространенных в пределах Средиземноморья, нами подготовлена отдельная работа.

²⁷ „Assises de Jérusalem“, Cour des Bourgeois, стр. XLIX; „Le Consulat de la Mer“, стр. 207.

Практика и правовые представления армян по этому частному случаю, а именно—в отношении затонувшего в море груза, нашли отражение и в сохранившемся нотариальном акте, составленном 7 июля 1281 г. Из документа видно, что на дне моря в порту Константинополя находилось 120 фунтов (48 кг) серебра, принадлежавшего армянину Поли (Погосу). Учитывая высокие цены на серебро в те времена, это составляло огромное состояние. Собственник серебра решил поднять со дна моря принадлежавший ему ценный груз, из чего следует, что его право собственности не оспаривалось (возможно, в силу каких-то соглашений). Выполнение этой операции поручалось Мануилу Баякани и Борборину де Гавно, за что собственник серебра обязывался уплатить 200 золотых гиперперов²⁸.

Недвусмысленно проявляя готовность отказаться от использования берегового права, армяне должны были в то же время считаться с существующей реальностью международных отношений. Все другие государства, за очень небольшим исключением, продолжали пользоваться этим правом, и армянские корабли, их экипажи и их пассажиры, армянские купцы-мореходы со своим грузом находились под постоянной угрозой применения к ним этого жестокого и варварского обычая в случае кораблекрушения.

Вот почему армянские государи стали внедрять новую норму поведения в своей международной практике на началах взаимности, на договорной основе.

Поэтому и рассматриваемые нами договорные положения об отказе от берегового права в пользу той или иной национальности нужно понимать не как исключение из общей позиции армянского государства, а напротив, как подтверждение этой общей политики, отраженной и в других документах, в частности в национальных кодексах-судебниках.

Первое международное соглашение по этому вопросу, если судить по дошедшим до нас документам, было заключено с генуэзцами. В договоре, заключенном в марте 1201 года между Левоном II Великим и Генуэзской республикой, положение об отказе от берегового права впервые получило силу международно-правовой нормы, обязательной для сторон. Договор был заключен в виде односторонних актов дарения. Дарованный генуэзцам хрисовул Левона II²⁹ гарантировал в случае кораблекрушения у берегов Киликийского армянского царства безопасность личности и уважение прав собственности как генуэзцев, плавающих под флагом республики, так и генуэзцев, потерпевших кораблекрушение на судах другой национальности, причем предусматривалось, что спасенные армянами корабль, его части, груз и другое заков-

²⁸ См. G. I. Brattani, *Actes des notaires genois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siecle (1281—1290)*. Bucarest 1927, № XXIX, стр. 90—91.

²⁹ Текст хрисовула был составлен канцлером армянского царства архиепископом Сиса Иоанном.

но принадлежащее генуэзцам имущество будет сохранено и возвращено им:

«Кроме того, дарую и постановляю, чтобы в случае, если генуэзские корабли у побережья царства моего каким-либо образом подвергнутся опасности или потерпят крушение, все, что может быть спасено—их корабль, имущество и товары, должно быть спасено и сохранено в безопасности всеми лицами, которые находятся и которые будут находиться под моей монаршей властью и в моем владении, и принадлежащая генуэзцам собственность должна быть возвращена им без каких-либо сговорок и без препятствий. Если же у побережья царства моего потерпят крушение или подвергнутся опасности корабли, принадлежащие другим национальностям, и на этих кораблях будут находиться генуэзцы со своим товаром, то имущество и товары, которые законно будут принадлежать генуэзцам, и если они смогут доказать это, должны быть спасены и сохранены в безопасности, и принадлежащая генуэзцам собственность должна быть возвращена им без каких-либо оговорок и без препятствий»³⁰.

В декабре того же 1201 года Левон II отказывается от берегового права уже в пользу Венецианской республики. В основе своей положения этой хрисовулы были схожи с соответствующими положениями хрисовулы, дарованной генуэзцам, хотя в ней отмечаются и некоторые новые детали. Венецианцам гарантировалась безопасность личности, их имущество и товары исключались из-под действия берегового права. Однако если на венецианском корабле находились лица, которые не были венецианцами, то венецианский флаг корабля сам по себе не охранял их в случае кораблекрушения, и их имущество и товары попадали под действие берегового права. И наоборот, если крушение у берегов Армениии терпел корабль другой, не венецианской национальности и на нем находились венецианцы, то их имущество и товары изымались из-под действия берегового права.

В этой привилегии яснее проявился личный характер ограничения этого права: оно распространялось только на венецианских граждан и их имущество, независимо от национальной принадлежности корабля³¹.

³⁰ „Concedo insuper et volo, ut si naves lanuensium in litoribus regni mei quoquo modo periclitari vel frangi, quod absit, contingerit, corpora, res et mercimonia eorum sint salva et secura ab omnibus hominibus qui sunt et qui erunt sub potestate et dominio meo; et ad Januenses redeant proprietatem, sine omni occasione et contrarietate. Et si forte constiterit naves aliarum gentium in littoribus regni mei frangi vel periclitari, in quibus aliquis lanuensis cum mercimoniis suis fuerit, res et mercimonia que legitime fore sua, seu lanuensium probare poterit, sint salva et secura, et ad suam redeant proprietatem, sine omni occasione et contrarietate“ (V. Langlois, *Le trésor des chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royal des Roupeniens*, Venise, 1863, стр. 106).

³¹ „Concedo etiam et volo, ut, si quodlibet vassellum Venetorum passum fuerit naufragium, vel rupturam in toto littore mei regni omnes hii, qui evasserint de periculo illo, sint salvi et securi. Corpora, res et mercimonia eorum sint salva et secura et libera ab omnibus hominibus, qui sunt et qui erunt sub potestate et dominio meo,

Текст соответствующего раздела этой хрисовулы гласил:

«Дарую также и постановляю, чтобы в случае, если венецианский корабль, в каком бы то ни было месте на всем побережье царства моего, потерпит крушение или разобьется, все, кто избегнет гибели, должны быть спасены и сохранены в безопасности. Их корабль, имущество и товары должны быть спасены, сохранены в безопасности и освобождены всеми лицами, которые находятся и которые будут находиться под моей монаршей властью и в моем владении, за исключением случаев нахождения на корабле невенетянцев, все имущество которых подчиняется власти моей царской курии. Если же, в каком бы то ни было месте на всем побережье царства моего, подвергнется опасности или разобьется корабль, принадлежащий другой национальности, и на этом корабле будет находиться венецианец, то имущество и все их добро должны быть спасены, сохранены в безопасности и освобождены всеми лицами, которые находятся и которые будут находиться под моей монаршей властью и в моем владении».

15 марта 1215 года Левон II вновь подтвердил ранее предоставленные генуэзцам права и привилегии, включающие право свободного въезда и выезда для торговли «как морем, так и сушей», специальную защиту личности и имущества на всей территории царства, включая отказ от применения берегового права в случае кораблекрушения³².

В марте 1245 года Хетум I и Изабелла, подтверждая прежние привилегии венецианцам, свой отказ от берегового права формулируют в несколько измененном виде³³ по сравнению с соответствующим правилом хрисовулы 1201 года. Правда, личный характер отказа сохраняется и тут, но предусматриваются уже четыре возможных случая: 1) если на побережье армянского царства или прибрежном море разбился венецианский корабль, то людям, их имуществу и самому кораблю обеспечивается безопасность; 2) если на потерпевшем крушение венецианском

hoc excepto, quod, si quis intersit, qui non sit Veneticus, ipsius res omnes potestati curie mee subjaceant, Et si navis seu vasellum aliarum gentium periclitata fuerit vel fracta in toto littore regni mei, et interfuerit Veneticus aliquis, res et omnia bona ipsius sint salva et secunda et libera ab omnibus hominibus, qui sunt et qui erunt sub potestate et dominio meo» (V. Langlois, указ. соч., стр. 110).

³² *„Insuper dono vobis et consedo in tota terra mea, quam ego nunc habeo vel habiturus sum, libertatem atque liberam facultatem emendi, vendendi, eundi ac veniendi, tam per mare, quam per terram, ita quod sive naufragi, sive sani, sine aliqua detrimenta, et sine aliquo passagio possitis ire, venire etc» (V. Langlois, указ. соч., стр. 126).*

³³ *„Si autem Venetorum vas frangatur in omni terra nostra vel in mari, quicumque evaserit a mari, sive homo, sive res, sive navis, erunt securi et sine timore a nobis et ab omnibus subditis nostris. Si vero Venetorum navis frangatur, et alterius gentis homines sint in ea, illi aderunt ad mandatum nostrum. Et si alterius gentis navis frangatur, et aliquis de Venetis sit in ea, Venetus erit liber et salvus cum omnibus rebus suis; navis autem cum aliis hominibus nostre suberunt jussioni. Ipsi vero Veneti non recipient aliorum Hominum res vel naves in sua custodia, ut eas liberent tamquam suas» (V. Langlois, указ. соч., стр. 144).*

корабле находятся лица иной национальности, они подпадают под власть (*mandatum*) армянского царя; 3) если разбился корабль другой национальности, а на корабле находится венеццианец, то он свободен вместе со своим имуществом, а корабль и лица иной, не венеццианской национальности подпадают под власть армянского государя; 4) ни один венеццианец не должен брать под свою охрану ни имущество, ни корабли, принадлежащие лицам другой, не венеццианской национальности с целью освобождения этих кораблей и имущества под видом своей собственности. Кроме того, в хрисовуле 1245 года расширен ареал ограничения права. Если прежде речь шла о кораблекрушениях, имевших место в пределах армянской государственной территории—в прибрежном море и на самом побережье³⁴, и, следовательно, речь шла о береговом праве в собственном (прямом) смысле слова, то сейчас ограничение распространяется и на кораблекрушения в открытом море—«на всей территории нашей или в море»³⁵.

Эта формула с некоторым уточнением встречается и в тексте другой хрисовулы Хетума I, данной в ноябре 1261 года венеццианцам: «На всей территории нашей на побережье или в море»³⁶. Эта последняя, во французском варианте, встретится позже в хрисовуле Левона IV, дарованной венеццианцам 20 мая 1307 года³⁷. Следовательно, в этих документах речь идет уже об отказе не только от берегового права, но и от права из кораблекрушения вообще.

До сих пор, на протяжении семидесяти лет, объем и характер ограничений берегового права, как они формулировались в различных хартиях, в основных чертах своих совпадали и в основе своей, очевидно, имели единую формулу, выработанную в царской канцелярии Сиса. Эти положения армянских хрисовул стали почти традиционными. Нововведение появилось в положении об отказе от берегового права в хрисовуле Левона III, дарованной венеццианцам в январе 1271 года, через семьдесят лет после первой хрисовулы, дарованной венеццианцам Леоном II в 1201 году. Новое в хрисовуле 1271 года состояло в существенном отходе от личного принципа в отношении имущества и лиц невенеццианской национальности, находившихся на венеццианском корабле: их имущество поступает под совместное управление страны, на территорию которой выброшен корабль, и страны флага корабля, потерпевшего крушение, но изъятого из-под действия берегового права в силу договора. Текст этого положения хрисовулы гласил:

«Если венеццианский корабль терпит крушение в пределах нашей территории, на побережье или в море, люди, корабль или другое имуще-

³⁴ „In littoribus regni mei“, „In toto littore mei regni“, „In tota terra mea“.

³⁵ „In omni terra nostra vel in mari“.

³⁶ „In omni terra nostra in ripis vel in mari“. L. Alishan, L'Armeno-Veneto. Compendio storico e documenti delle relazioni degli Armeni coi Veneziani. Primo periodo, secoli XIII—XIV. Parte II, Venezia, S. Lazzaro, 1893, № 3, стр. 8.

³⁷ „En toute nostre terre, en rive de mer ou en mer“. См. об этой хрисовуле ниже.

ство, как только они будут вызволены из моря, все будет освобождено нами и нашими подданными безусловно и незамедлительно. Если на потерпевшем крушение корабле будут люди и имущество другой национальности, они будут поставлены под наше с ними совместное управление. Венецианцы не будут брать под свою охрану или освобождать под видом своего корабля или имущества корабли и имущество, принадлежащие лицам другой национальности.

В случае же если потерпит крушение корабль другой национальности, на котором находятся венецианцы, венецианец будет свободен и ему не будут чиниться никакие препятствия, и это распространяется на него и на все его имущество, причем он должен доказать, что оно принадлежит ему, а корабль и люди другой национальности будут поставлены под наше с ними совместное управление»³⁸.

В привилегиях, дарованных царями Армении венецианцам в последующем, а именно: Левсоном IV в 1307 году³⁹ и Леоном V в 1321 году⁴⁰, так же как и в акте 1271 года, повторяется предписание, идентичное предписанию хрисовулы 1245 года.

Выше отмечалось, что в существовавших тогда условиях армянские цари не могли пойти на безусловный односторонний отказ от этого права в отношении всех государств без требования взаимности, что привело бы к дискриминации и нанесло бы ущерб международной торговле и мореплаванию, ибо все указанные государства продолжали бы применять эту практику. Особенно должны были считаться армяне с практикой крупнейшей морской державы Средиземноморья и смертельным врагом Армянского царства—египетским султанатом. В этом отношении большое значение имело урегулирование этого вопроса между Арменией и Египтом.

Специальная статья договора 1285 года между армянским царем Леоном и египетским султаном Келавуном, заключенного по инициативе армянского царя, предусматривала:

«Если корабль, принадлежащий подданному одной из договаривающихся сторон, терпит крушение у берегов другой договаривающейся стороны, ему будут оказаны помощь и содействие. Корабль со всем, что он содержит, будет бережно храниться, с тем, чтобы возвратить все собственнику, если он явится, или, в случае его отсутствия, должностным ли-

³⁸ „E se vasslau de Veneze brise en toute nostre terre, en rive de mer ou en mer, tot quant che sera delivré de la mer, soit home, vasslau ou autre chose, toute sera sans doute e sanz penser de nos e de subjés. E se home de autre nation ne autre chose seront au vasslau chi briserá, si demorront a nostre comandement avec le leur. Et les Venetiens vasslau ne autre chose d'home d'autre nation ne prendront en leur gard ou delivreront come le leur. Et se autre manère de vasslau brise, en che y soit Venetiens, li Venetien soit franz (vap.: franc) et sans pene (vap.: periler), lui e toutes ses choses lesquelles il proverá che soient soues; e le vasslau e les homes d'autre nation demourront au nostre comandement avec le leur“ (V. Langlois, указ. соч., стр. 152).

³⁹ См. там же, стр. 167.

⁴⁰ См. там же, стр. 183.

нам государства, которому принадлежал покойный. Если он подданный или слуга султана Мелик-Мансура, его имущество будет передано представителю египетского султана. Если же он подданный царя армянского, его имущество будет передано представителям этого государя, с тем, чтобы они распорядились им в соответствии с требованиями права и справедливости»⁴¹.

Анализ рассмотренных выше договорных положений приводит к определенному выводу о наличии и систематическом применении царской канцелярией твердо установленных правил, зафиксированных в виде формул, в виде некоего штампа, которые, наряду с некоторыми другими положениями, включались в качестве составной части в международные договоры Киликийского армянского царства.

Эта договорная практика уже сама по себе имела огромное значение для развития международных морских связей Армении и международно-го мореходства. В самом деле, если иметь в виду, что такие договорные отношения у Армении существовали с крупнейшими морскими державами эпохи—Генуей и Венецией, а также с египетским султаном, под флагом которого, как суверена мусульманских стран Средиземноморья, ходили суда этих стран, то станет ясно, что на значительную часть кораблей, приходивших в Армению или проходивших мимо ее берегов, действие берегового права не распространялось.

ՀԱՅԵՐԻ ՀՐԱԺԱՐՈՒՄԸ «ՄԵՐՁԱՓՆՅԱ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻՑ»

ՅՈՒ. Գ. ԲԱՐՍԵՂՈՎ (Մասկվա)

Ա մ փ ո փ ու մ

«Մերձափնյա իրավունքը», որ հնուց ի վեր հասկացվում էր որպես ծովափի մոտ վթարի ենթարկված նավի բեռների, անձնակազմի և ուղևորների նկատմամբ ավատիրոջ իրավունք, սի սովորույթ էր, որը դարձել էր միջազգային ծովային իրավունքի ինստիտուտներից մեկը: Ծովափերի տեր հանդիսացող ֆեոդալներն ու նույնիսկ կայսրերը «մերձափնյա իրավունքը» համարում էին հարստացման միջոց, քանի որ նրանց տիրույթների ավամերձ շրջաններում կատարվող նավաբեկությունները հանդիսանում էին եկամտի լրացուցիչ աղբյուր:

Միջազգային առևտրի զարգացումը և նավարկության անվտանգության շահերը պահանջում էին սահմանափակել այդ իրավունքի կիրառման շրջանակները: Սակավաթիվ այն պետությունների թվում, որոնք հանդես էին գալիս այդ իրավունքի դեմ և պահանջում էին հաստատել ծովագնացության ավելի առաջադի-

⁴¹ M. Reînaud, Extraits des historiens arabes, relatifs aux guerres des croisades (Nouvelle édition), 1829, стр. 554; Takî-ed dîn-Ahmed-Makrizî, Histoire des sultans mamlouks de l'Égypte. Traduite en français par M. Quatremère. Tome seconde, Paris, 1842, стр. 208.

մական կառնոններ, հանդես էր գալիս նաև Կիլիկյան Հայաստանը Վերջինս սկզբում կողմնակից էր «մերձափնյա իրավունքի» սահմանափակմանը, իսկ ավելի ուշ՝ նրա վերացմանը: Այդ են վկայում Մխիթար Գոշի «Դատաստանագրքի» համապատասխան հոդվածները (մասն Բ, գլ. ԾԾ), որոնք ուժի մեջ են մտել ավելի վաղ, քան միջնադարի մի շարք այլ պետությունների համապատասխան առաջադիմական օրենքները: Կիլիկյան Հայաստանի թագավորները ծովային իրավունքի այդ նորմաները զործնական կիրառության մեջ են դնում Վենետիկի, Ջենովայի և Նեպոլիտանի հետ իրենց միջադպրոցին հարաբերությունների բնագավառում, ելնելով փոխադարձ շահավետության սկզբունքից և մտցնելով գրանք իրենց պետական պայմանագրերի մեջ: Այդ են վկայում Կիլիկյան թագավորների 1201, 1215, 1245, 1271 և այլ թվականների պայմանագրային ակտերը:

«Մերձափնյա իրավունքի» սահմանափակման և վերացման համար մղված պայքարը այն առաջադիմական ներդրումն է, որ կատարել են հայերը միջնադարյան ծովային իրավունքի բնագավառում: